

8. Психология труда. М., 2004, С. 223-236.

9. Румянцева Т.Г. Агрессия и контроль // Вопросы психологии, 1996. № 5-6.

10. Щербинина Ю. Методы диагностики речевой агрессии // Приклад. психология и психоанализ – 2001, №3. С. 39-55.

11. Ямбушева О.Ю. Влияние мотивационных комплексов на восприятие субъектов межличностного взаимодействия в профессиональной деятельности сотрудников МВД // Журнал прикладной психологии. 2005, №2-3, С. 107-112.

Р.М. Арефулин

Аксиологические и экзистенциальные аспекты проблемы отношения человека к смерти

Научный руководитель А.Ю. Агафонов

Осмысленность существования и характер отношения к смерти являются взаимозависимыми, предполагающими друг друга переменными. Ведь трудно понять отношение человека к смерти, игнорируя то, насколько осмысленно он проживает и планирует собственную жизнь. Таким образом, решение вопроса о смысле жизни нерасторжимо связано с отношением человека к смерти. В этой связи, исключительно емкие и точные рассуждения можно найти у Л.Н. Толстого. «Memento mori» – писал Толстой – великое слово. Если бы мы помнили то, что мы умрем, вся жизнь наша получила бы совсем другое назначение. Человек, зная, что он умрет через полчаса, не будет делать ни пустого, ни глупого, ни, главное, дурного в эти полчаса. Но полвека, которые, может быть, отделяют тебя от смерти, разве не то же, что полчаса? Перед смертью и перед настоящим времени нет» [Цит. по Лаврин, 1993, с. 82].

Важно подчеркнуть, что само экзистенциальное стремление к осмыслению собственной жизни, «воля к смыслу» (В. Франкл) может возникнуть лишь у того, кто вполне осознает конечность своего существования. Парадоксальным образом именно смерть утверждает

Аксиологические и экзистенциальные аспекты проблемы отношения человека ... смысл жизни. Жизнь может и должна иметь для человека свой смысл, и залогом этого является феномен смерти. В этом контексте смерть приобретает свое особое значение. Н.Н. Трубников эту мысль выразил таким образом: надо по-иному понять смерть, «... не вообще смерть и не чью-то уже случившуюся, но – свою собственную, будущую. Понять не как начало, противоположное жизни, а как ее полюс и предел, столь же естественный и необходимый, как и другой полюс и предел – рождение. Понять, что только осознание этой предельности позволяет нам постичь великую ценность жизни; жизнь без смерти, без меры и границы не только не имела бы в твоих глазах никакой цены, но была бы бесконечностью куда более невыносимой и ужасной, чем самый невыносимый и ужасный конец, понять, что и смерть тем самым имеет высокий духовный, нравственный смысл» [Трубников, 1996, с. 9].

Другими словами, жизнь лишалась бы смысла при отсутствии временного предела существования. По соображениям Н.Н. Страхова, «смерть – это финал оперы, последняя сцена драмы. Как художественное произведение не может тянуться без конца, ..., так и жизнь организмов имеет пределы. В этом выражается их глубокая сущность, гармония и красота, свойственная их жизни. Если бы опера была только совокупность звуков, то она могла бы продолжаться без конца, если бы поэма была только набором слов, то она также не могла иметь никакого естественного предела. Но смысл оперы и поэмы, существенное содержание требуют финала и заключения» [См. Лаврин, 1993]. Схожую мысль высказывал А.П. Чехов: «Смерть страшна, но еще страшнее было бы сознание, что будешь жить вечно и никогда не умрешь» [Цит. по: В поисках смысла..., 2004, с.689].

Одним из ключевых в обсуждении отношения смысла жизни к факту конечности существования является как раз вопрос о возможности придать смысл вневременному существованию, «вечной жизни». Человек, с одной стороны, стремится к осмысленной жизни, но самой жизни положен предел смертью, хотя при этом именно смерть обеспечивает осмысленность. В этом как раз и состоит фундаментальное противоречие, которое пытается разрешить человек в течение всей своей сознательной жизни. Но в наибольшей степени это проти-

воречие обостряется в экзистенциально значимых ситуациях. Неспособность разрешить указанное противоречие при утрате жизненно важных, экзистенциальных смыслов часто приводит к деструктивным и аутодеструктивным проявлениям. Но и в деструкции человек ориентирован на поиск смысла. (В. Франкл считал, что даже самоубийца верит в смысл, если не жизни, то смерти [Франкл, 1990]).

Одной из ситуаций экзистенциального выбора является ситуация смертельного заболевания. В такой ситуации человек вполне осознает близость смерти, но при этом стремится не потерять (или найти) смысл в каждом отпущенном ему дне, часе, минуте. Как указывает О.А. Ворона, «специфика заболеваний, угрожающих жизни, заключается в том, что они воздействуют на психику как «невидимый», информационный стрессор, отражающий угрозу для жизни в эмоционально-когнитивных структурах, содержащих информацию о болезни. Поэтому восприятие и совладание с последствиями заболевания в большей степени осуществляется посредством когнитивной переработки. Исследования показывают, что когнитивные факторы оказывают значимое влияние не только на качество жизни онкологических больных (способы усугублять и хронифицировать негативное психологическое состояние), но и на прогноз заболевания. Негативные когнитивные схемы и убеждения также связаны с возникновением депрессивной симптоматики, играют роль в формировании психопатологических и посттравматических нарушений» [Ворона, 2005, с.8, 9].

Для демонстрации тесноты связи между осмысленностью жизни и отношением к смерти нельзя оставить также за скобками рассмотрения анализ, проведенный В. Франклом, который, будучи заключенным, наблюдал поведение пленных в фашистских концлагерях в годы второй мировой войны.

В. Франкл на основании личных наблюдений пришел к выводу, что в этих нечеловеческих условиях, в основном, выживали те, у кого оставался смысл жизни, т.е. «было ради чего жить». Те, у кого такого смысла не было, умирали очень быстро, пусть даже они обладали более крепким здоровьем [Франкл, 2000, с. 117-118]. Невыносимая жизнь все же была не так страшна как жизнь бессмысленная. Как вер-

Аксиологические и экзистенциальные аспекты проблемы отношения человека ...
но подметил А.В. Гнездилов: «Бессмысленность, бесцельность жизни страшнее смерти» [Гнездилов, 2004, с. 14].

Оригинальный подход В. Франкла опирается на положение о взаимообусловленности осознания собственной смертности и стремлении к смыслу. По Франклу, смысл нужно найти и реализовать в своей жизни. При этом нет универсального Смысла. На вопрос о смысле жизни нельзя дать общий, удовлетворяющий всех ответ. Некорректно спрашивать, какой самый лучший ход в шахматной партии. Так же некорректно говорить о смысле жизни вообще. Смысл конкретен для определенного человека в каждой конкретной ситуации. «Каждая ситуация – писал В. Франкл – отличается своей уникальностью, и всегда лишь один правильный ответ на проблему, содержащуюся в данной ситуации. Когда человек видит, что ему судьбой предназначено страдать, он должен принять свое страдание как свою задачу, единственную уникальную. Он должен осознать тот факт, что даже в страдании он единственен и уникален во Вселенной. Никто не может освободить его или заменить его в страдании. Его уникальная возможность определяется тем, каким он образом несет свое бремя» [Франкл, 2000, с. 173].

Можно сказать, что экзистенциальная психология и экзистенциальная психотерапия начинаются с выхода в свет работ В. Франкла. Современная психология обязана В. Франклу и трактовкой самого термина «экзистенциальный». Он используется В. Франклом в трех несколько различных значениях: 1) для обозначения специфики человеческого бытия; 2) для характеристики смысла существования; 3) для обозначения стремления к нахождению смысла в личном существовании, т.е. воли к смыслу.

Базовое положение концепции В. Франкла заключается в том, что стремление человека к смыслу – это имманентное качество человеческой природы, то, что определяет человека в его неповторимом и отличном от животного статусе существования. «...Воля к смыслу – наиболее человеческий феномен, так как животное никогда не бывает озабочено смыслом своего существования» – подчеркивал В. Франкл [Франкл, 2000, с. 12]. Отсюда естественным образом можно сделать вывод: если человек не находит смысла в своей жизни, то жить как

духовное, а не как организмическое существо он не может. В.Н. Дружинин в этой связи отмечает: «Если человек не находит смысла смерти, то тем более ему незачем жить и не за что умирать» [Дружинин, 2000, с. 27]. Об экзистенциальной опасности жизни без смысла писал и И.А. Ильин [См. В поисках смысла, 2004, с. 744].

По наблюдениям В. Франкла 15-20 % невротических расстройств вызваны потерей или отсутствием смысла жизни. В. Франкл предложил называть такие невротические расстройства (отчаяние, депрессия, уныние), вызванные отсутствием смысла жизни «экзистенциальным неврозом» в отличие от привычного для врачей клинического невроза.

В. Франкл также разработал новую идеологию и технологию психотерапии – «логотерапию», которая во главу угла ставит духовное начало человека, его потребность найти в жизни смысл. Смысл жизни всегда лежит вне личности, но не сводим ни к принципу удовольствия, ни к принципу реальности, ни к стремлению к превосходству. По Франклу есть один человекообразный способ жизни, а именно, «служение». Автор логотерапии свою позицию комментировал следующим образом: «... человек не должен спрашивать, что он может ожидать от жизни, но скорее должен понимать, что жизнь ждет чего-то от него. Это можно выразить по-другому. В конечном счете, человек не должен спрашивать: «В чем смысл моей жизни, но должен отдавать себе отчет в том, что он сам и есть тот, кого спрашивают. Жизнь ставит перед ним проблемы, и именно он должен со всей ответственностью отвечать на эти вопросы: и отвечать он может только ответственностью за свою жизнь» [Франкл, 1999]. В этом плане вполне объяснимо, почему Франкл так высоко ценил духовный поиск и религиозные устремления. «Жизнь – говорит Франкл – есть задача. Религиозный человек отличается, по-видимому, от нерелигиозного переживанием своего существования не просто как задачи, но как миссии. Это означает, что он осознает того, от кого исходит задача, что ему известен источник его миссии. Тысячи лет этот источник назывался Богом» [Франкл, 2000, с. 16].

Психолог-логотерапевт функционально должен быть ориентирован на помощь в обретении клиентом смысла существования. Логоте-

Аксиологические и экзистенциальные аспекты проблемы отношения человека ... рапия, по мнению Франкла, дает опору в жизни, как и религия. Такое понимание существа психотерапии нашло свое подтверждение в конце XX – начале XXI века. Специалисты, занимающиеся проблемами наркомании и алкоголизма, также пришли к выводу, что религиозность, обретение веры является мощным фактором, помогающим избавиться от негативных зависимостей [Дружинин, 2000].

Для продуцирования смысла существования необходимы определенные духовные ресурсы и духовные усилия, определенный уровень культуры. В защиту этого тезиса В. Франкл приводит трагические ситуации из жизни узников концлагеря, которые предоставлены сами себе и лишены будущего: «всюду и всегда – смерть, видимая и ощущаемая» [Цит. по Дружинин, 2000, с. 28]. По оценкам В. Франкла, 90 % опрошенных признавали, что человеку нужно что-то, ради чего стоит жить и страдать. По существу, смысл жизни зависит от возможности быть продуктивным или, другими словами, от возможности реализации ценностей.

В. Франкл описывает три класса ценностей, позволяющих сделать жизнь человека осмысленной: ценности творчества, переживания и отношения [Франкл, 1990]. В соответствии с этими классами классифицируются три типа смысла. Ю.В. Тихонравов, анализируя подход Франкла, в частности, указывает: «Хотя Франкл подчеркивает, что у каждого индивида есть смысл в жизни, которого никто другой не может воплотить, все же эти уникальные смыслы распадаются на три основные категории: 1) состоящие в том, что мы осуществляем или даем миру как свои творения; 2) состоящие в том, что мы берем у мира в форме встреч и опыта; 3) состоящие в нашей позиции по отношению к страданию, по отношению к судьбе, которую мы не можем изменить» [Тихонравов, 1998, с. 498].

В любой ситуации можно найти смысл, поскольку даже при фрустрации значимых для человека ценностей, он способен реализовать свое отношение к происходящему. Иначе говоря, всегда существует возможность воплотить ценности отношения.

Взгляды В. Франкла во многом перекликаются с идеями другого гуманистически ориентированного ученого – Э. Фромма, который также как и В. Франкл выступал против отождествления челове-

ской природы с инстинктивными силами. Собственно критика позиции З. Фрейда со стороны Фромма как раз и касалась этого положения. Э. Фромм, признавая гений Фрейда, все же расходился с ним в основополагающих пунктах. Сам Фромм отмечал, что «Фрейд обнаружил нечто чрезвычайно важное: в человеке действительно соседствует две первородные силы – тяга к живому и тяга к мертвому (к разрушительности). Фрейд нашел для этого очень красивые формулы. Он сказал: «Эрос несет тенденцию к интеграции, объединению, слиянию в единое целое, в то время как Тонатос имеет целью дезинтеграцию, разъединение» [Фромм, 1998, с. 24]. Категории «некрофилия» и «биофилия», введенные Э. Фроммом, отличаются от фрейдовских инстинктов по двум основным пунктам. По Фрейду, обе силы существуют параллельно: и страсть к разрушению, и радость жизни одинаково присущи человеку. Э. Фромм выступает категорически против этого положения. «Мне кажется, – пишет Фромм, – что уже по биологическим причинам это не так. Даже с точки зрения выживания бессмысленно, чтобы саморазрушению отводилась в организме такая же важная роль, как и самосохранению и продолжению рода (если, конечно, мы исходим из того, что сохранение жизни есть действительно высший биологический принцип бытия). И еще есть одна причина моего несогласия с Фрейдом по этому вопросу. Можно доказать, что разрушительные тенденции (то есть склонность к тому, что смертносно) появляются в результате разлада с жизнью, на фоне неправильной жизни, как следствие утраты искусства жить» [Там же]. Э. Фромм приводит примеры, когда некрофилия возникает как следствие утраты смысла существования, утраты возможности свободного саморазвития, собственной уникальности и творческой активности. Позиция Э. Фромма предельно близка В. Франклу: смысл является жизнеутверждающей силой. Э. Фромм особо подчеркивал: «... Кто в своей собственной жизни не имеет радости, тот хочет за это отомстить и предпочитает выступить разрушителем жизни вообще, чем почувствовать, что он не в состоянии наполнить ее каким-либо смыслом. И хотя с психологической точки зрения он жив, но душа его мертва. И здесь берет свое начало активная жажда разрушения и готовность лучше уничтожить всех (и себя в том числе), нежели признать, что ты

Аксиологические и экзистенциальные аспекты проблемы отношения человека ... не использовал данную от рождения возможность прожить настоящую жизнь. Это ведь очень горькое чувство, и нетрудно предположить и доказать, что желание разрушать становится почти неизбежной реакцией на это эмоциональное состояние» [Там же, с. 25].

Нельзя не заметить, что в большинстве концепций и теорий гуманистического и экзистенциального направлений явно или неявно подчеркивается момент ответственности личности за те выборы, которые совершаются в жизни. Экзистенциальная тревога в этом плане – есть результат осознания того, что обретение смысла является главным экзистенциальным вопросом, от решения которого зависят и жизненные перспективы, и личностное развитие, и отношение к смерти.

Литература

1. В поисках смысла / Сост. А.Е. Мачехин. М., 2004.
2. Ворона О.А. Психологические последствия стресса у больных раком молочной железы. Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 2005.
3. Гнездилов А.В. Психология и психотерапия потерь. – СПб., 2004.
4. Дружинин В.Н. Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. – СПб, 2000.
5. Лаврин А.Г. Хроники Харона. Энциклопедия смерти. – М, 1993.
6. Тихонравов Ю.В. Экзистенциальная психология. М., 1998.
7. Трубников Н.Н. О смысле жизни и смерти. М., 1996.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990.
9. Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб., 2000.
10. Фромм Э. Иметь или быть? // Психоанализ и религия. Искусство любить. Иметь или быть? – Киев, 1998.